

СЛОВА, СМЫСЛЫ, ДЕЙСТВИЯ: ПРАГМАСЕМАНТИКА И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ

УДК 81'33

«ПАРАДНУЮ ОНИ НАЗЫВАЮТ ПОДЪЕЗД»: СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ В СЕМАНТИКЕ И МЕТАПРАГМАТИКЕ

В. Е. Чернявская

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 07.07.2022 г.
Принята к публикации 15.11.2022 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-5

Анализируется понятие «социальное значение», которое концептуализировалось в лексической семантике с 1980-х годов и стало центральным в современных концепциях в социолингвистике и лингвистической антропологии для описания прагматических приращений в значении языковой единицы, которые она получает в контексте использования. Новые объяснительные подходы сложились в перспективе социолингвистики в теориях метапрагматики и показывают социальное значение как социальный индекс, возникающий в контексте использования знака. Социальный индекс (индексальное значение знака) отсылает к типизированным социальным ситуациям и типизированным социальным ролям участников коммуникативного акта. Социальное значение актуализируется тогда, когда оно может быть осмыслено в социальном взаимодействии как использованное для выражения определенных смыслов. Аналитический обзор представляет современный понятийный аппарат и инструментарий, позволяющий лингвисту описывать социальную перспективу в конструировании смыслов и интерпретации смыслопорождения в социальных контекстах. Эмпирический материал в рамках предлагаемого анализа отражает современную социокультурную и речевую практику: на примере лингвистической вариативности в использовании языковых единиц «парадная» и «подъезд» в русском языке показано, как языковой знак получает устойчивый индексальный характер и используется для выражения социальной атрибуции.

Ключевые слова: социальное значение, социальный индекс, социолингвистика, метапрагматика

Введение

Понятие «социальное значение» использовалось в семантике с 1980-х годов и стало центральным в современных концепциях в социолингвистике и лингвистической антропологии для описания тех приращений в значении языковой единицы, которые она получает в контексте использования. Контекстуальную вариативность и связанные с ней смыс-

лы изучают в той или иной перспективе различные исследовательские подходы: прагмалингвистика, социолингвистика, интеракциональная лингвистика, критический анализ дискурса, лингвистика дискурса, и можно сказать, что все эти дисциплины продолжают и углубляют прагматическую перспективу в изучении языка. По-своему, с разных точек доступа развивается понимание того, что представляют собой коммуникативная ситуация и контекстуализация, влияющие на смыслопорождение. В статье далее критически анализируются теоретические подходы к изучению социального значения с позиции лексической семантики, с одной стороны, и новые объяснительные подходы, сложившиеся в метапрагматике и показывающие социальное значение как социальный индекс, — с другой. Социальное значение исследуется как социальный индекс, то есть индексальное значение, отсылающее к типизированным социальным ситуациям и типизированным социальным ролям участников коммуникативного акта. Такой сопоставительно-аналитический обзор значим в теоретико-методологической и прикладной проекции, поскольку представляет понятийный аппарат и инструментарий, позволяющие лингвисту описывать социальную перспективу в конструировании смыслов и интерпретации смыслопорождения в социальных контекстах. Эмпирический материал в рамках предлагаемого анализа отражает современную социокультурную и речевую практику. На примере лингвистической вариативности в русском языке при использовании языковых единиц «парадная» и «подъезд» показывается, как языковой знак получает устойчивый индексальный характер и применяется для выражения социальной атрибуции.

Социальное значение в семантике

Социальное значение как особый аспект прагматического значения изучается в семантике и прагматике с 1980-х годов. Это исследовательское направление отражает сложившееся разграничение семантики и прагматики по линии разделения языкового (лексического) значения и значения, возникающего в контексте использования языковой единицы. Д. Лич предлагал рассматривать социальное значение (*social meaning*) как одно из значений языковой единицы, которое связано с иллокутивной силой высказывания (*the illocutionary force of an utterance*) и может быть соответствующим образом интерпретировано адресатом (Leech, 1981, p. 14–15). Фактически понимание того, что значит социальное значение, было изначально связано с перформативным эффектом и с коммуникативной реакцией адресата на задействованное средство.

Понятие «социальное значение» было детально разработано в семантике, для обзора см. работу С. Лёбнера (Löbner, 2002). Социальное значение рассматривается как одно из ключевых понятий (лексической) семантики, как часть лексического значения слова наряду с его денотативным (дескриптивным) значением. Слово или высказывание получает социальное значение, если его использование подчинено существующим правилам социального взаимодействия в коммуникации. Как определяет С. Лёбнер, социальное значение ограничено собствен-

но нормами формальной и неформальной коммуникации. Именно в такой привязке как соответствие формальной и неформальной коммуникации термин «социальное значение» применялся в семантике. В каждом языке существует набор языковых форм с отчетливым социальным значением: формы приветствия, прощания, извинения, разговора по телефону, иные этикетные и ритуализированные формулы социального взаимодействия и есть социальные правила, устанавливающие ситуативные обстоятельства, при которых использование языковой формы становится адекватным и понятным¹. В этом смысле высказывания «Добрый день» и «Привет», «Подойдите ко мне, пожалуйста» и «Сюда иди» имеют однозначное социальное значение, связывающее уместность и адекватность их использования с формальной сферой, литературной нормой и неформальной, обиходно-разговорной сферой, соответственно. Социальное значение отражает социально значимые характеристики коммуникантов и характер их отношения друг к другу в процессе взаимодействия.

Понимаемое так социальное значение отличается от другого аспекта лексического значения, обозначаемого термином «экспрессивное значение» (*expressive meaning*). Это семантическая характеристика слова или высказывания, которая не зависит от контекста их использования, имеет ценностно и эмоционально ориентированный характер и выражает субъективное переживание радости, огорчения, сожаления и др. К экспрессивам традиционно относят междометия, эмоционально заряженные номинации, бранные слова и выражения и др.

Еще один тип значения в этом семантическом ряду описывается термином «коннотация» (*connotative meaning*). Коннотативное значение как часть лексического значения характеризует эмоционально-оценочный компонент, дополнительный к денотативному значению и устойчиво связанный с ним в сознании носителей языка. Коннотации могут создавать социально обусловленные смыслы, то есть такие дополнительные аспекты в значении, которые отражают общественную идеологию. Негативные коннотации традиционно относятся к сфере эвфемизации и того, что называется «политическая корректность», характеризующая определенные запреты в номинациях национальной, расовой принадлежности, социальному гендеру, физическим возможностям человека (Беляева, Чернявская, 2016; Чернявская, 2018; 2021а).

Социальное значение как социальный индекс: социолингвистическая перспектива

Социальное значение стало центральным предметом также в социолингвистике с конца 1990-х годов, но получило иное, более глубокое и всестороннее теоретическое осмысление и методологическую разработку, нежели в прагматике и семантике. Социальное значение изуча-

¹ Ср. в оригинале: «An expression has social meaning if and only if its use is governed by the social rules of conduct or, more generally, rules for handling social interactions» (Löbner, 2002, p. 34).

ется как социальный индекс, то есть индексальное значение, отсылающее к типизированным социальным ситуациям и типизированным социальным ролям участников коммуникативного акта. Представления об индексальном характере социального значения сформулированы и детально разработаны в теории американского антрополога и семиотика М. Сильверстина (Silverstein, 1993; 2001; 2014). В последовавших за идеями Сильверстина американских и западноевропейских социолингвистических концепциях и в связанных с ними исследованиях лингвистической антропологии, дискурсивного анализа социальное значение предстает как гораздо более объемное по содержанию понятие по сравнению с предшествующими трактовками (Blommaert, 2005; Eckert, 2018; Eckert, Labov, 2017; Lucy, 1993; Verschueren, 2000), обзор см.: (Чернявская, 2020). Этот исследовательский фокус в целом является «выражением общей тенденции в лингвистике разворачивать анализ от чисто языковых аспектов коммуникации к ее контекстуальным характеристикам (it displays the tendency to move the analysis away from the linguistic aspects of communication to its contextual aspects)» (Blommaert, 2005, p. 12).

В рамках социолингвистики понятие социального значения включает в себя социально значимые эффекты от использования языка. «Социально значимые» следует понимать в проекции «язык в обществе», то есть в соотношении языковой вариативности с макро- и микросоциальными категориями, такими как гендер, возраст, национальность, профессиональный статус, принадлежность к малым социальным группам и языковым коллективам и т. д. На первый план выходит вопрос о том, как использование языка становится определяющим для идентификации человека в той или иной социальной роли. Социальная индексальность активно разрабатывается в связи с различными концепциями идентичности, как характерное основание в самовыражении личности и / или социальных групп. Детальный обзор современных разработок в социолингвистике и социальных теориях идентичности представлен в статье: (Молодыхченко, Чернявская, 2022).

Социальная индексальность увязана с лингвистической вариативностью, повторяя У. Лабова, с альтернативными способами выражения одного и того же («alternative ways of “saying the same thing”») (Labov, 1972, p. 322), когда есть выбор между альтернативными способами выражения одного содержания и одна лингвистическая форма в определенном контексте становится предпочтительнее и характернее, чем другая. Лингвистическая вариативность возможна на фонетическом, лексическом, грамматическом уровне языка. Индексальное социальное значение при этом указывает на конкретную социальную атрибуцию, такую как социальный класс, национальность, социальный пол, профессиональный статус и т. п., и на то, как социальные отношения между коммуникантами проявляют себя во взаимодействии. Таким образом, «социальное значение — это инструкция по интерпретации, связывающая то, что было сказано, и социальную ситуацию, в которой это было сказано» (ср.: «social meaning is “interpretive leads” between what is said and the social occasion in which it is being produced» (Blommaert,

2005, p. 11)). Индекс и индексальность используются как прагматические термины, содержательно более объемные и определяющие, что, собственно, мы можем назвать возможностью 'широкого обзора' контекста («wider pragmatic terms that encompass what we may term the wider "sign's-eye view" of the context») (Silverstein, 2014, p. 140).

Становятся очевидными различия между понятием «социальное значение» и «значение» в семантике, детальный обзор представлен в работах (Silverstein, 2014; Beltrama, 2020). Различие определяется, во-первых, характером связи знака и лингвистической формы. По Соссюру, отношения между означаемым и означающим носят произвольный и конвенциональный характер, принципиально значима договоренность между людьми по поводу обозначения того или иного объекта. В случае социального значения возникает индексальная связь между лингвистической формой и ситуацией ее использования. Это значит, она основана не на конвенции, но на характерном, регулярном совпадении лингвистической формы (знака) и контекста его использования. Так, в соответствии с утвердившимся определением знака-индекса дым указывает на присутствие огня, возгорания.

Аналогично явление, иллюстрирующее социальную индексальность в языке: фонетическая характеристика в русском языке, а именно произносительная норма литературного языка в звукосочетаниях «сч». Они произносятся как (/ш/), а сочетания букв «чн», «чт» произносятся как звуки (/шн/) и (/шт/) — *коне[шн]о*, *скворе[шн]я*, *наро[шн]о*. Это характерно для московского произношения, которое часто противопоставляется петербургскому / ленинградскому: *коне[чн]о*. Языковая форма становится характерной для определенной социальной группы: мы констатируем, что «так говорят москвичи». Индексальная связь такого рода является отправной точкой для возникновения социального значения как социального индекса.

Второе существенное отличие индекса от значения в семантике связано с (не)фиксированным характером отношения между значением и языковой формой. Единство означаемого и означающего в языковом знаке устойчиво, стабильно, поставлено в отношении с постоянной опосредованной сознанием человека связью. Семантическое значение организовано как лексикон, совокупность слов и словоформ. Оно стабильно, не подвержено гибкой изменчивости. Социальное значение (индекс) иное, оно контекстно обусловлено и зависит от социальной ситуации, в которую включено. Индексальная связь переосмысливается и опосредуется участниками коммуникации, их ценностными установками. М. Сильверстин предложил говорить об уровнях социальной индексальности (orders of indexicality), на которых можно проследивать связь языковой формы и ее социального значения. Со временем такая привязка может утрачивать отчетливый характер или, наоборот, становится стабильной, устойчивой, характерной. «Социальное значение проходит процесс кристаллизации в обществе» (Beltrama, 2020, p. 3). Об отличиях знаков-символов и знаков-индексов см. также: (Молодыхенко, 2022а, с. 70–71).

Индексальность и метапрагматика

Социальное значение актуализируется тогда, когда оно может быть осмыслено и осмысливается в социальном взаимодействии как использованное для выражения определенных смыслов. Изучение социальной индексальности направлялось исследовательским вопросом о маркированности социального значения языковой единицы, о способности быть узнаваемым средством для слушающего / читающего в связи с определенным контекстом и социально значимыми характеристиками. В теории М. Сильверстина и в разработках, последовавших за ней, ключевое значение имеет понятие метаиндексального, или, по-другому, метапрагматического сигнала: индексальная связь языковой формы и «ее» контекста должна быть поддержана, чтобы интерпретация шла в правильном направлении. Например, высказывания 1б и 2б являются маркированными по сравнению с 1а и 2а:

1а. *Она плачет по любому поводу.* 2б. *Она по-любому позвонит.*

2а. *Заявка нуждается в обновлении.* 2б. *Работа нуждается в поновлении.*

Высказывание 2б просторечно, наречие «по-любому» используется как разговорное, в отличие от литературной нормы, допускающей только сочетание предлога и прилагательного; оно отсылает к неформальному стилю общения, характеризует образовательный статус коммуникантов. На письме задействуется дополнительный маркер различения — орфография. В примере 2б маркированным является глагол «поновлять» — это термин, появившийся в практике реставрационных работ, он используется профессионалами в значении «подновлять», «исправлять», «придавать обновленный вид». Существуют специальные этапы реставрационных работ: ремонт — консервация — поновление — реконструкция. Соответственно, «поновлять» приобретает индексальную функцию, указывает на профессиональный статус человека, использующего эту языковую единицу в общении.

М. Сильверстин, который ввел термин «метапрагматика», использовал его для расширения объема анализируемых лингвистом проявлений человеческой рефлексии над процессуальностью языка и коммуникации. По Сильверстину, знаки имеют метапрагматическую функцию, что означает их способность указывать на прагматические эффекты, порождаемые в процессе коммуникативного взаимодействия, ср.: «Signs functioning metapragmatically have an inherently framing character» (Silverstein, 1993, p. 33). Метапрагматический взгляд фиксирует рефлексю, которая происходит постоянно, непрерывно, переходя от одного объекта к другому, то есть всегда сопровождает нашу коммуникативно-речевую деятельность. Если прагматика задает отношение человека к денотативному значению знака и изучает те приращения к значению (смыслы), которые возникают в контексте, то метапрагматика прибавляет информацию о правилах и условиях использования знака и его контекстуализации.

Сигналы метапрагматической активности по-разному маркируются в структуре высказывания, выступают как эксплицитные и латентные

подсказки в контекстуализации (Silverstein, 2014, p. 140–146). Языковая форма или высказывание может «автономно» нести прямые эксплицитные индексальные отсылки к некоторым аспектам контекста. Таким прямым и самым очевидным индексом является дейксис, личные местоимения «я / мы / ты / вы», указательные местоимения типа «тот», «то». В процессе взаимодействия между коммуникантами вектор индексальности меняется, «я» и «вы» меняются местами, указывая на разные объекты, но индексальная функция знака в этом случае постоянна. Наряду с дейксисом, категории времени, залога также индексально укореняют сообщение в его контекстуальном измерении. В качестве метапрагматической подсказки типичны перформативные глаголы и глаголы, называющие речевое действие (*verba dicendi*): приказать, просить, обещать и т. п. Эксплицитным метапрагматическим сигналом являются разного рода лексические единицы, управляющие пониманием, то есть выражающие комментарий или пояснение, дающие направление интерпретации высказывания: «я имею в виду»; «сейчас я говорю с тобой как друг»; «это шутка» и т. п. Таким образом, речь идет о

рассмотрении речевой составляющей коммуникативного события под специфическим углом зрения... — что «делает» коммуникант, используя дискурс (или определенный сегмент дискурса), и / или что «происходит» в данной социальной / коммуникативной ситуации в плане реализации социальных отношений между коммуникантами. Упрощенная формула «делает/происходит» из предыдущего предложения может отсылать к широкому списку типов социальной активности и переменных социального контекста. Например, описание по линии «что сейчас делает коммуникант» может включать такие разнообразные метапрагматические характеристики, как «сообщает», «приказывает», «спрашивает», «оскорбляет», «шутит», «рассказывает анекдот», «говорит серьезно», «иронизирует», «подтрунивает», «издевается» и бесчисленное множество других *ярлыков*, рутинно и окказионально используемых как языковым сообществом, так и исследователями (Молодыхенко, 2022а, с. 70).

Есть речевые жанры (типы дискурсов), в которых метакомментарий собственно показывает специфику самой коммуникации, например в дидактическом дискурсе в ситуации общения учитель — ученик: «Правильно», «Это не относится к теме» и т. п. Интересным объектом изучения становятся «метапрагматические дискурсы», то есть дискурсы, рефлексивные прагматику внешних по отношению к ним дискурсов» (Молодыхенко, 2022а), см. также: (Молодыхенко, 2020; 2021; 2022б). Метапрагматическим маркером является использование форм косвенной речи и цитат. Аллюзии, говорящие имена, ключевые слова также делают видимым метапрагматическое действие (подробнее см.: (Чернявская, 2021б, с. 97–107)).

Именно на уровне метапрагматики можно говорить о разной мере осознанности и рациональности субъектов при выборе языковых единиц, и, следовательно, можно наблюдать и анализировать степень осознанности метаязыковой и метапрагматической деятельности в коммуникации. Разделение по линии «интуитивное / осознанное» — ключе-

вое для исследовательских подходов в метапрагматике. Е. Н. Молодыхенко использует в этой связи термин «метапрагматическая осведомленность» (Молодыхенко, 2022а, с. 72), ориентируясь на объяснительные концепции и терминологию в американских разработках в социолингвистике, лингвистической антропологии (ср.: *degree of salience* (Mertz, Yovel, 2009), *metapragmatic awareness* (Verschueren, 2000, p. 445)). С опорой на понятие метапрагматической осведомленности можно наблюдать и анализировать типизацию определенных аспектов языка, типичные действия с языковыми средствами в том или ином языковом сообществе. Типизация может быть определена в терминах «заякоренности» языковых явлений или «метапрагматического ярлыка» (Молодыхенко, 2022а, с. 72–74) для обозначения типизированных речевых действий в языковом коллективе, характерных в проекции социальной идентичности.

Материал и обсуждение

«Давайте говорить как петербуржцы!» Под таким лозунгом в 2011–2018 годах в Санкт-Петербурге проходила социальная кампания, рассказывавшая о правилах и ошибках в русской речи, инициированная ректором, позже президентом Санкт-Петербургского университета Л. А. Вербицкой. Обращенность к петербуржцу, к петербургской культуре фокусирует здесь среди прочего ту типизированность действий с языком, по которой можно опознавать определенную социальную группу. Действительно, есть заметные и характерные ярлыки, своего рода речевые пароли, отличающие петербуржцев и маркирующие их характерную идентичность. В предлагаемом анализе обратим внимание на то, как языковой знак задействуется в роли социального индекса, то есть используется как устойчивый и распознаваемый в социальном взаимодействии индекс, актуализирующий смыслы, значимые для социальной атрибуции.

Следующий фрагмент заимствован из телевизионного репортажа «Новостройки вокруг Петербурга: как там жить?», вышедшего 19 ноября 2021 года на телеканале «Санкт-Петербург» в еженедельной информационно-публицистической программе «Пульс города».

«Человейники», каменные джунгли и социальные гетто — все что угодно, но только **не Петербург!** Недорогое жилье для молодых семей, приют для **ипотечника** и **переселенцев из других городов**.

Удивительно, но мы встретили здесь **коренного петербуржца**. Александр, раньше жил в Купчино.

— А где лучше, в Купчино или вот здесь?

— Ну, там площадь меньше квартиры была...

И вот они, типичные будни обитателей этих районов. Ежедневная давка в метро. И как-то это уже совсем **не по-петербургски**... И так каждое утро. Ради чего они терпят все эти неудобства, которые так напоминают жизнь в китайском Пекине, где самое большое в мире метро? За ответом на этот вопрос отправляюсь во двор самого большого дома России. Здесь 35 **парадных, которые называют подъездами**, и 3708 квартир. Вот Анаста-

сия, приехала из Калининграда, с мужем здесь снимают двушку, опаздывают в детский сад... Соседи приличные, тихие люди. В основном, как мы помним, **приезжие**.

— Коммунальные скандалы здесь редкость, — говорит Диана. Все вопросы решаем в чате, в котором почти три тысячи человек.

В общем, вот она — типичная жизнь в типичной квартире этого дома-гиганта, во дворе которого можно найти абсолютно все. Здесь только по официальным данным живут 18 тысяч человек².

Темой сообщения, заявляемой в названии и в поверхностной структуре текста, стало разрастание новостроек в Ленинградской области, близко подступающих к городской черте Санкт-Петербурга. На небольшой территории возник замкнутый микрорайон с огромной плотностью заселения: возведен жилой дом, в котором 25 этажей и 3708 квартир. Крупнейший жилой комплекс Санкт-Петербурга и, как говорят, в России, «Новый Оккервиль», получил название «Человеиник» и стал медийно известным объектом из-за перегруженности пространства, плотной парковки машин, замкнутой конструкции, при которой люди почти не видят солнце, и других проблем.

Этот текст интересен тем, что может быть рассмотрен как часть дискурса, противопоставляющего петербургское непетербургскому. Противопоставление здесь отчетливо маркировано за счет контекстуальных антонимов «коренной петербуржец» и «приезжие», «переселенцы из других городов», «ипотечники», а также через оценочные определения «не Петербург», «не по-петербургски». Примечательно, как отдельное высказывание интердискурсивно соотносится с рядом других высказываний, текстов по линии разделения «коренной житель» и «приезжие» и, шире, включается в культурное и семиотическое противопоставление по линии «свой» и «чужой». Такое противопоставление коренных жителей города приезжим из других регионов не ново. Это особенно характерно для столичного города, «столичного синдрома» вообще, когда действует принцип деления на коренных (как носителей стабильных ценностей и представлений о должном, как носителей культуры Ленинграда и Санкт-Петербурга) и горожан в первом поколении, которые вливаются в население города. Жители северной столицы привычно отличают коренных петербуржцев от приезжих, не знающих «петербургского духа». Сложились представления о социальном типаже «петербуржца», который в общественном сознании поддерживается рядом семиотических средств, характеризующих внешний облик, признаки одежды (неброская, холодные цвета, минималистичный стиль), стиля поведения (сдержанность эмоциональных проявлений, дистанция) (см., напр.: (Васильева, Золотых, 2015)). Лингвистически идентификация и самопрезентация коренных горожан Петербурга выражается в выборе языковых средств, например лексем для (само)номинации уроженцев города: *ленинградец, петербуржец, питерец*.

В предлагаемом ракурсе исследования интересен и значим другой лингвистический маркер, задействованный для разделения по линии

² *Новостройки* вокруг Петербурга: как там жить? URL: <https://topspb.tv/programs/stories/515102/> (дата обращения: 01.09.2022).

свой – другой. Широко известна вариативность на лексическом уровне, характерная для языка петербуржцев в отличие от языка москвичей. Петербуржцы говорят «ржаной хлеб», тогда как москвичи и жители других регионов традиционно называют его черным. «Белый хлеб» в Петербурге называется «булка», борт тротуара – «поребрик», а не «бордюр», вход в многоквартирный дом называется «парадная», а не «подъезд». Последняя пара лексической вариативности стала классическим примером социолингвистического разделения по линии «петербуржцы» и «другие»³. В приведенной ситуации становится очевидным индексальный характер языковой единицы «парадная», которая прочитывается как хорошо видимый, приметный сигнал разделения петербуржцев и непетербуржцев. «Парадная» задействована для социальной атрибуции петербуржцев как особой социальной группы, она показывает релевантность связи между языковым знаком и «его» коммуникативным контекстом, в котором говорят и действуют как петербуржцы. Участник коммуникации распознаёт социальное значение, связанное с этой языковой единицей, оценивает ее использование и связанный смысл и демонстрирует это в высказывании, делая отчетливой свою рефлексию и «метапрагматическую осведомленность».

Заключение

Изучение социального значения показывает актуальность теоретических положений о нетождественности семантики и прагматики в изучении языковых знаков, что наблюдаемо при изучении контекста и контекстуализации высказывания. Лексическое значение остается главным объектом семантики, а понятие «социальное значение» дает исследовательскую перспективу в ситуативный контекст, в дискурс, в сферу экстралингвистических факторов, влияющих на порождение и понимание высказывания. Тем самым прагматика переходит на уровень метапрагматики, которая изучает эффекты использования языка в дискурсе, изменение языковых значений под влиянием контекста. Индексальный и метапрагматический аспект в коммуникации информативен, поскольку позволяет наблюдать и фиксировать в анализе ту прагматическую экспансию, которая способна захватывать и менять семантику языкового знака.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» № 22-18-00591, в БФУ им И. Канта.

³ Газета «Аргументы и факты» от 17 мая 2021 года свидетельствует об постоянной актуальности такой идентификации: «Интересно, что парадными называют и входы в многоквартирные дома на окраинах Северной столицы. Например, в хрущевках Купчино есть вывески, гласящие “Парадная №...”. Хотя как таковой этот вход не является парадным и считается подъездом. Но слово настолько закрепилось в речи петербуржцев, что его используют для любого входа». См.: Почему в Санкт-Петербурге парадные, а не подъезды? URL: https://spb.aif.ru/society/pochemu_v_sankt-peterburge_parannye_a_ne_podezdy (дата обращения: 01.09.2022).

Список литературы

Беляева Л. Н., Чернявская В. Е. Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №3. С. 77–84. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-3-77-84>.

Васильева Ю. А., Золотых Л. Г. Лингво-культурный типаж «Петербуржец» в русском языковом сознании // Гуманитарные исследования. 2015. №2 (54). С. 48–63.

Молодыхенко Е. Н. Метасемиотические проекты и лайфстайл-медиа: дискурсивные механизмы превращения предметов потребления в ресурсы выражения идентичности // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24, №1. С. 117–136. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-1-117-136>.

Молодыхенко Е. Н. Метапрагматические дискурсы и жанровая дифференциация в интернет-медиа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Язык и литература. 2021. Т. 18, №2. С. 363–382. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.207>.

Молодыхенко Е. Н. Метапрагматика в жанроведении: нужен ли нам новый аналитический инструмент в эру интернет-медиа? // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2022а. №75. С. 67–93. <https://doi.org/10.17223/19986645/75/4>.

Молодыхенко Е. Н. Идентичность, стиль и стилизация: социолингвистическая перспектива // Общество. Коммуникация. Образование. 2022б. №2 (13). С. 11–29. <https://doi.org/10.18721/JHSS.13202>.

Молодыхенко Е. Н., Чернявская В. Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Язык и литература. 2022. Т. 19, №1. С. 103–124. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.106>.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М., 2018.

Чернявская В. Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Язык и литература. 2020. Т. 17, №1. С. 135–147. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.109>.

Чернявская В. Е. Социальное значение в зеркале политической корректности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Язык и литература. 2021а. Т. 18, №2. С. 383–399. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.208>.

Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М., 2021б.

Beltrama A. Social meaning in semantics and pragmatics // Language and Linguistics Compass. 2020. Vol. 14, №9. P. 1–20. <https://doi.org/10.1111/lnc3.12398>.

Blommaert J. Discourse: A Critical Introduction. Cambridge, 2005.

Eckert P. Meaning and Linguistic Variation: The Third Wave in Sociolinguistics. Cambridge, 2018.

Eckert P., Labov W. Phonetics, phonology and social meaning // Journal of Sociolinguistics. 2017. Vol. 21, №4. P. 467–496. <https://doi.org/10.1111/josl.12244>.

Labov W. Sociolinguistic Pattern. Oxford, 1972.

Leech G. Semantics. The Study of Meaning. Harmondsworth, 1981.

Löbner S. Understanding Semantics. L., 2002.

Lucy J. A. Reflexive language and the human disciplines // Reflexive Language. Reported Speech and Metapragmatics / ed. by J. A. Lucy. Cambridge, 1993. P. 9–32.

Mertz E., Yovel J. Metalinguistic awareness // Cognition and Pragmatics / ed. by S. Dominiek, J. Östman, J. Verschueren. Amsterdam, 2009. P. 250–271.

Silverstein M. Metapragmatic Discourse and Metapragmatic Function // Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics / ed. by J. A. Lucy. Cambridge, 1993. P. 33–58.

Silverstein M. The Limits of Awareness // Linguistic Anthropology: A Reader / ed. by A. Duranti. Oxford, 2001. P. 386–401.

Silverstein M. Denotation and the Pragmatics of Language // The Cambridge Handbook of Linguistic Anthropology. Cambridge, 2014. P. 128–157.

Verschueren J. Notes on the role of metapragmatic awareness in language use // Pragmatics. 2000. №10. P. 439–456.

Об авторе

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: Chernyavskaya_ve@spbstu.ru

ORCID ID: 0000-0002-6039-6305

Для цитирования:

Чернявская В. Е. «Парадную они называют подъезд»: социальное значение в семантике и метапрагматике // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №1. С. 72–85. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-5.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

“THEY CALL THE MAIN ENTRANCE A PORCH”: SOCIAL MEANING IN SEMANTICS AND METAPRAGMATICS

V. E. Chernyavskaya

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on July 07, 2022

Accepted on November 15, 2022

doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-5

The paper analyzes the concept of social meaning, which has been conceptualized in lexical semantics since the 1980s and has become central in modern sociolinguistics and linguistic anthropology. It has been used to describe pragmatic increments in the meaning of a language unit, which it receives in context. New explanatory approaches have developed from a sociolinguistic perspective in metapragmatics, where social meaning is seen as a social index that emerges in context. Social index (the index meaning of a sign) refers to typified social situations and social roles of participants of a communicative act. Social meaning is actualized when it can be interpreted in social interaction as being used to express certain connotations. This analytical review presents a contemporary conceptual apparatus and toolkit that enables linguists to describe the social perspective in constructing meaning and interpreting meaning formation in social contexts. The empirical material for the analysis reflects the contemporary sociocultural and discourse practices using the example of linguistic variability in Russian. The analysis of the Russian nouns “paradnaya” and “pod’ezd” shows how a language sign acquires a stable indexical character and is used to express social attribution.

Keywords: social meaning, social index, sociolinguistics, metapragmatics

The research was supported by the Russian Science Foundation, project №22-18-00591 “Pragmasemantics as an interface and operational system of meaning production” at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

References

- Beliaeva, L.N. and Chernyavskaya, V.E., 2016. Evidence-based linguistics: methods in cognitive paradigm. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 3, pp. 77–84, <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-3-77-84> (in Russ.).
- Beltrama, A., 2020. Social meaning in semantics and pragmatics. *Language and Linguistics Compass*, 14 (9), pp. 1–20, <https://doi.org/10.1111/lnc3.12398>.
- Blommaert, J., 2005. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge.
- Chernyavskaya, V.E., 2018. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text Linguistics. Discourse Linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Chernyavskaya, V.E., 2020. Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Yazyk i Literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 17 (1), pp. 135–147, <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.109> (in Russ.).
- Chernyavskaya, V.E., 2021a. Social meaning in the mirror of political correctness. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Yazyk i Literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 18 (2), pp. 383–399, <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.208> (in Russ.).
- Chernyavskaya, V.E., 2021b. *Tekst i sotsial'nyi kontekst: Sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyi analiz smyslopороzhdeniya* [Text and social context: Sociolinguistic and discursive analysis of meaning generation] (in Russ.).
- Eckert, P. and Labov, W., 2017. Phonetics, phonology and social meaning. *Journal of Sociolinguistics*, 21 (4), pp. 467–496, <https://doi.org/10.1111/josl.12244>.
- Eckert, P., 2018. *Meaning and Linguistic Variation: The Third Wave in Sociolinguistics*. Cambridge University Press.
- Labov, W., 1972. *Sociolinguistic Pattern*. Oxford.
- Leech, G., 1981. *Semantics. The Study of Meaning*. Harmondsworth.
- Löbner, S., 2002. *Understanding Semantics*. Routledge.
- Lucy, J. A., 1993. Reflexive language and the human disciplines. In: J. A. Lucy, ed. *Reflexive Language. Reported Speech and Metapragmatics*. Cambridge, pp. 9–32.
- Mertz, E. and Yovel, J., 2009. Metalinguistic awareness. In: S. Dominiek, J. Östman and J. Verschueren, eds. *Cognition and Pragmatics*. Amsterdam, pp. 250–271.
- Molodychenko, E.N. and Chernyavskaya, V.E., 2022. Representing the social through language: Theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Yazyk i Literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 19 (1), pp. 103–124, <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.106> (in Russ.).
- Molodychenko, E.N., 2020. Metasemiotic Projects and Lifestyle Media: Formulating Commodities as Resources for Identity Enactment. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (1), pp. 117–136, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-1-117-136> (in Russ.).
- Molodychenko, E.N., 2021. Metapragmatic discourses in differentiating genres in online media. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Yazyk i Literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 18 (2), pp. 363–382, <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.207> (in Russ.).
- Molodychenko, E.N., 2022a. Integrating metapragmatics into genre analysis: Does the analytical toolkit need an upgrade in the digital era? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 75, pp. 67–93, <https://doi.org/10.17223/19986645/75/4> (in Russ.).
- Molodychenko, E.N., 2022b. Identity, style, and styling: a sociolinguistic perspective. *Terra Linguistica*, 2 (13), pp. 11–29, <https://doi.org/10.18721/JHSS.13202> (in Russ.).

Silverstein, M., 1993. Metapragmatic Discourse and Metapragmatic Function. In: J. Lucy, ed. *Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics*. Cambridge, pp. 33–58.

Silverstein, M., 2001. The Limits of Awareness. In: A. Duranti, ed. *Linguistic Anthropology: A Reader*. Oxford, pp. 386–401.

Silverstein, M., 2014. Denotation and the Pragmatics of Language. In: *The Cambridge Handbook of Linguistic Anthropology*. Cambridge, pp. 128–157.

Vasilieva, Ju. A. and Zolotykh, L. G., 2015. Linguistic-cultural type «Petersburger» of Russian Linguistic Mentality. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2 (54), pp. 48–63 (in Russ.)

Verschueren, J., 2000. Notes on the role of metapragmatic awareness in language use. *Pragmatics*, 10, pp. 439–456.

The author

Dr Valeria E. Chernyavskaya, Senior researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Chernyavskaya_ve@spbstu.ru

ORCID ID: 0000-0002-6039-6305

To cite this article:

Chernyavskaya, V. E., 2023, “They call the main entrance a porch”: social meaning in semantics and metapragmatics, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, no. 1, p. 72–85. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-5.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))